

Астрид Эфирсена

В объятиях
врага

18+

Астрид Эфирсена

В объятиях врага

<https://litres.ru/74048853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла побеждать. Он не умеет проигрывать.

В детстве они были тайной друг друга — никто не знал об их дружбе. Но однажды между ними встало прошлое, которое невозможно забыть. И ложь, которую нельзя простить.

Теперь они враги. При дворе — холодные взгляды и колкие слова. За закрытыми дверями — то, о чём никто не должен узнать.

Каждый из них держит удар. Никто не хочет сдаваться первым.

Но что, если враг — единственный, кто понимает тебя без слов? Что, если страсть сильнее ненависти?

И что победит в итоге — гордость или любовь?

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

13

Астрид Эфирсена В объятиях врага

Глава 1

Это началось, когда мне было восемь лет.

Тогда я ещё не знала, что эта встреча перевернёт всю мою жизнь. Думала — просто еду с отцом в первый раз во дворец, посмотрю на королевскую роскошь, может быть, увижу принца издалека. Детские мечты. Какими же глупыми они кажутся сейчас.

Отец взял меня с собой, потому что мать слегла с лихорадкой. Она болела часто — слабое здоровье досталось ей от бабушки, которая умерла молодой. Гувернантка, старая миссис Хилл, сказала, что со мной оставаться не хочет — у неё больная нога и она устала за зиму. На самом деле она просто не любила меня, а я не любила её.

— Поехали со мной, — сказал отец. — Посмотришь, как живут короли.

Мне было всё равно на королей. Мне хотелось уехать из дому, где пахло лекарствами и скукой.

Карета ждала у крыльца. Наша карета — из тёмного дуба, с резными дверцами, на которых золотом сверкали фамильные гербы. Внутри — бархатные сиденья, расшитые се-

ребром, маленькие окошки в медных рамах. Отец сидел напротив меня, развернув карту. Крупный мужчина, широкие плечи, руки, которые могли разогнуть подкову — или так же нежно погладить меня по голове.

— Долго ещё? — спросила я в пятый или шестой раз.

— Час, — ответил он, не поднимая глаз.

— Ты уже говорил «час» два часа назад.

Отец усмехнулся.

— Ты слишком умная для своих лет. Это проблема.

— Миссис Хилл говорит, что я слишком дерзкая.

— Миссис Хилл старая дура.

Мы оба рассмеялись. Мне нравилось, когда отец так говорил — по-простому, не как граф с графиней, а как отец с дочерью.

Я отвернулась к окну. За толстым стеклом проплывали поля — наши поля. Крестьяне кланялись, когда видели карету с гербами. Я махала им, хотя миссис Хилл говорила, что леди не должна махать простолюдинам. Отец на это только усмехался: «Она ещё ребёнок. И потом — они любят, когда им машут».

Потом начались чужие земли. Леса стали гуще, дороги — уже. Мы проехали мимо старого аббатства, разрушенного ещё при прошлом короле, и отец перекрестился. Я тоже перекрестилась, хотя не до конца понимала, зачем.

И наконец, когда солнце уже клонилось к закату, мы увидели дворец.

Я ожидала чего-то величественного. С золотыми шпилями и хрустальными окнами, как в сказках. Вместо этого передо мной высилась серая громада из камня — массивная, суровая, с толстыми стенами и узкими бойницами.

— Он кажется мрачным, — сказал отец, заметив моё разочарование, — но внутри красиво. Не смотри на стены.

Внутри и правда оказалось лучше. Высокие потолки с резными балками, огромные каминные, стены, увешанные гобеленами с королевской охотой и битвами. Пахло воском и старой кожей. Слуги в чистых синих ливреях бесшумно скользили по коридорам.

Отец оставил меня в большом зале, где портреты прошлых королей смотрели со стен мёртвыми глазами.

— Сиди здесь, — сказал он. — Не шали. Я на совет, вернись через два часа.

— А вдруг мне станет скучно?

— Тогда найди себе занятие. Ты уже большая.

Он поцеловал меня в лоб и ушёл.

Я посидела ровно пять минут. Посмотрела на портреты. Посчитала свечи в большой люстре — сорок три. Потом мне надоело.

Встала и пошла искать приключения.

Дворец оказался лабиринтом. Коридоры сворачивали, лестницы вели то вверх, то вниз. Я забрела в какую-то галерею с картинами битв — кони падали, люди умирали с открытыми ртами, и мне стало немного не по себе. Я пошла

дальше, стараясь не смотреть на них.

В конце одного из коридоров я заметила свет. Не свечной — солнечный, мягкий, золотистый. Я пошла на него.

Там оказалась тяжёлая дубовая дверь, украшенная резьбой — виноградные лозы и странные звери, похожие на драконов. Я толкнула её. Дверь со скрипом поддалась.

И я вышла в сад.

Я замерла на пороге.

Это был не тот сад, к которому я привыкла в отцовском поместье. Там всё было правильно — клумбы ровные, кусты стриженные, дорожки гравием посыпаны. Красиво, но скучно.

Здесь же царило что-то другое. Дикое и одновременно умиротворённое.

Старые деревья — дубы, липы, каштаны — росли, как им вздумалось, переплетаясь ветвями в высокие зелёные своды. Под ними прятались в тени скамьи из потемневшего от времени камня. Тропинки были выложены небрежным узором из плоских плит, между которыми пробивалась мягкая трава. Вдоль стен вился плющ, такой густой, что под ним почти не было видно камня. Розы — красные, белые, розовые — лезли на терновник, переплетались с жимолостью, и воздух был наполнен таким густым сладковатым запахом, что у меня закружилась голова.

Где-то журчала вода. Я прислушалась — ручей. Небольшой, прячущийся в зарослях папоротника.

Я сделала несколько шагов по тропинке и увидела башню.

Она стояла в центре сада, окружённая кустами лаванды, которая ещё не зацвела, но уже набирала бутоны. Башня была сложена из светлого золотистого камня — не похожего на тот тёмный и мрачный, из которого построили дворец. Казалось, этот камень светился изнутри, особенно в лучах вечернего солнца.

Башня была невысокой — три, может быть, четыре этажа. Но она казалась изящной, почти хрупкой. Узкие стрельчатые окна смотрели на четыре стороны света. Вокруг винтовой лестницы, которая вилась снаружи, обвивая башню, росли дикие цветы — колокольчики, ромашки, какие-то жёлтые головки, названия которых я не знала.

У основания была маленькая деревянная дверь, обитая железными полосами. Она была приоткрыта.

Я подошла ближе. Сквозь щель тянуло прохладой и чем-то старым — как из библиотеки отца, когда открываешь сундук, где книги хранятся годами.

— Есть тут кто? — спросила я шёпотом.

Никто не ответил.

Я толкнула дверь и вошла.

Внутри было темно. Лестница уходила вверх, высеченная прямо в камне — ступеньки были стёрты сотнями ног. Я начала подниматься.

На двенадцатой ступеньке я заметила, что в стенах есть узкие оконные прорезы — сквозь них пробивался свет, и на камне плясали маленькие радуги. Я задержалась на минутку,

потом пошла дальше.

На середине лестницы я услышала звук. Шорох страниц. Кто-то читал наверху.

Сердце застучало быстрее. Я хотела развернуться и убежать — но мне было восемь лет, я была единственной дочерью графа Уорикского и не собиралась бегать от какого-то шороха.

Я стиснула зубы и поднялась на последнюю площадку.

Там была круглая комната. Вдоль стен — пустые книжные стеллажи. В углу — старая подушка и одеяло. У окна в нише стояло продавленное кресло с высокой спинкой.

В кресле сидел мальчик.

Он был старше меня, наверное, года на два. Волосы русые, гладко зачёсаны назад, как носят при дворе. Одет в тёмно-синий дублет из дорогой ткани — ворот расшит серебряной нитью, на рукавах мелкая вышивка. В руках — книга в кожаном переплёте с медными уголками.

Он не поднял головы, когда я вошла.

— Здесь нельзя, — сказал он спокойно. Не грубо, не зло. Просто констатировал факт.

— Почему? — спросила я.

Он поднял голову.

Я увидела его глаза — светлые, почти прозрачные. В них не было ни злости, ни удивления. Только холодное любопытство.

— Потому что это моё место, — сказал он. — Сад при-

надлежал моей матери. Башня — мне. Ты здесь чужая.

— А ты здесь кто? — спросила я дерзко. — Хозяин?

Он посмотрел на меня долго, с лёгкой усмешкой.

— Можно сказать и так.

— Ну и что? — Я скрестила руки на груди. — Я тоже не чужая. Мой отец — граф Уорикский.

— Мне всё равно, кто твой отец, — перебил он. Не грубо, а скорее устало. — Графы приходят и уходят. Корона остаётся.

Я хотела сказать что-то язвительное, но осеклась.

Корона остаётся.

Я посмотрела на него внимательнее. На его спокойное лицо, на дорожную ткань дублета, на книгу с медными уголками. На то, как он сидит — прямо, как будто привык, что все вокруг должны ему подчиняться.

— Ты — начала я.

— Я принц, — сказал он. — Джеффри.

— А ты не врешь?

Он усмехнулся.

— Мне незачем врать. Особенно тебе.

— Почему это мне?

— Потому что такие детишки как ты для меня не важны.

Ты не моя невеста, не моя родственница и не посол чужой страны. Ты просто девочка, которая забрела не туда.

Он закрыл книгу и встал.

Он был выше меня на голову. Когда подошёл ближе, мне

пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Иди отсюда, — сказал он. — Пока я не решил, что мне интересно с тобой говорить. А я редко нахожу кого-то интересным.

Меня это задело. Не то, что он меня прогоняет — а это «я редко нахожу кого-то интересным». Значит, я для него — как все? Обычная? Скучная?

— А если я не уйду? — спросила я.

— Тогда будешь скучать здесь со мной, — ответил он. — Я читаю молча. И не люблю, когда отвлекают.

Он вернулся в кресло, снова открыл книгу и уткнулся в неё, как будто меня не существовало.

Я постояла минуту. Две. Он не поднимал головы.

— Ты странный, — сказала я наконец.

— А ты наглая, — ответил он, не отрываясь от книги.

Я не знала, обижаться или гордиться. Никто не называл меня наглой. А этот — назвал. И ему было всё равно, что я подумаю.

Я развернулась и пошла к лестнице.

— Я ещё приду, — бросила я через плечо.

Ответа не было.

Я вылетела в сад, пробежала через тропинки, не разбирая дороги. Сердце колотилось.

«Я ещё приду, — думала я. — И ты не будешь смотреть на меня свысока».

Я вернулась в большой зал за несколько минут до отца.

— Ну как тебе дворец? — спросил он.

— Ничего, — ответила я.

— А сад видела?

— Видела.

— Красивый?

Я хотела сказать «да». Но вспомнила мальчика, его холодные глаза и слова «ты здесь чужая».

— Обычный, — сказала я. — У нас лучше.

Отец рассмеялся.

А я смотрела в окно на темнеющее небо и думала о том, как вернуться в этот сад.

И я вернулась.

Глава 2

Возвращаться во дворец в тот раз мне больше не довелось. Отец закончил свои дела, и мы уехали домой на следующее утро. Я всю дорогу молчала, глядя в окно, и отец спросил, не заболела ли я. «Нет, — ответила я. — Просто думаю». Отец рассмеялся — он не привык, чтобы я «просто думала».

Дома меня встретила мать. Она сидела в своей опочивальне у камина, укутанная в шали, бледная, но улыбающаяся. Наше поместье — Розвуд-Холл — стояло на холме, с которого открывались поля до самого горизонта. Дом был старым, сложенным из светлого камня, с высокой башней, на которую я любила забираться и смотреть на закаты. Внутри было тепло от множества каминов, пахло яблоками и сушёными травами — мать развешивала их по всем комнатам, чтобы отогнать хворь.

Розвуд был не таким огромным, как королевский дворец, но я любила его больше. Здесь всё было моим. Моя комната с пологом из синего бархата. Моя кобылка Вьюга в конюшне. Моя старая нянька, которая ворчала, что я слишком много бегаю и слишком мало сижу за вышивкой.

Миссис Хилл, гувернантка, встретила меня с кислой миной.

— Ну наконец-то, — сказала она. — А то я уж думала, вы решили остаться при дворе навсегда, леди Элеонора.

— Решила бы, — ответила я, скидывая плащ на руки служанке. — Но отец не позволил.

Миссис Хилл покачала головой. Она была высокой, тощей, с вечно поджатыми губами. Она учила меня французскому, танцам и тому, как правильно сидеть за столом. Я учила её терпению — и, кажется, у меня получалось лучше, чем у неё.

— Вы не выучили уроки, я полагаю? — спросила она.

— А вы не проверяли, — ответила я, проходя мимо. — Выходит, мы квиты.

Она вздохнула так тяжело, будто я заставила её тащить мешок с камнями. Но я уже бежала вверх по лестнице — переодеваться и бежать на конюшню. Выюга ждала.

В тот день я впервые рассказала Выюге о мальчике в башне.

Лошади — хорошие слушатели. Я сидела на соломе в её стойле, обхватив колени руками, и говорила:

— Он странный. Сказал, что он принц. Но принцы не сидят в старых башнях, правда? И не читают книжки в одиночестве. У нас дома все книжки в библиотеке, и я их не читаю, потому что скучно.

Выюга фыркнула. Я кивнула.

— Вот и я так думаю. Наверное, он врун. Но глаза у него красивые. Светлые. Как — я задумалась, — как лёд. И смотрит так, будто ему всё равно, кто я. Даже когда я сказала про отца.

Вьюга мотнула головой.

— Мне это не нравится, — сказала я. — Мне не нравится, когда кому-то всё равно. Я заставлю его обратить на меня внимание.

Я не знала тогда, как именно. Но я была уверена — ещё увижу этого мальчика.

Через год отец снова поехал во дворец. И снова взял меня.

Я ждала этого дня как праздника. Надела самое красивое платье — зелёное, с серебряной вышивкой по подолу — и всю дорогу не замолкала ни на минуту. Отец сказал: «Элеонора, ты утомляешь». Я сказала: «Отец, ты невыносим». Он рассмеялся.

Как только мы прибыли, я не стала ждать, пока отец уйдёт на совет. Я выскользнула из зала, как только он отвернулся, и побежала по коридорам — туда, где была та дубовая дверь с драконами.

Сад был таким же, как в прошлый раз. Пахло розами и жимолостью. Солнце светило сквозь ветви старых деревьев, и на траве плясали золотые пятна.

Башня стояла на месте.

Я подбежала к двери. Она была приоткрыта — как будто меня ждали. Или просто забыли закрыть.

Я взбежала по лестнице, не считая ступеней, и вылетела в круглую комнату.

Он сидел в кресле. Снова читал. Другую книгу — потолще.

— Я вернулась, — сказала я громко.

Он поднял голову. Посмотрел на меня — тем же взглядом, что и год назад. Спокойным, холодноватым, но была в нём какая-то искра. Как будто он и правда ждал.

— Вижу, — сказал он.

— Ты не удивился.

— Я удивился, когда ты пришла в первый раз. Теперь — нет.

— Почему?

Он закрыл книгу и отложил её в сторону.

— Потому что такие, как ты, всегда возвращаются.

— Какие — такие?

— Которым сказали «нельзя».

Я не знала, обижаться или гордиться. Выбрала гордость.

— Я принесла кое-что, — сказала я и полезла в маленькую сумку, которую повесила на плечо. Там лежало яблоко — красное, крупное, из наших садов. Я протянула ему. — Вот.

Он посмотрел на яблоко. Потом на меня.

— Зачем?

— Ты в прошлый раз сказал, что это твоё место. Я подумала — раз гостя, надо принести подарок. Мама так делает, когда к нам приезжают важные люди.

Он взял яблоко. Повертел в руках.

— Твоя мама жива?

— Да. А твоя

— Умерла, — сказал он коротко. — Я говорил.

Я помолчала. Потом села на пол напротив его кресла — прямо на холодный камень, поджав под себя юбки.

— А ты не боишься испачкать платье? — спросил он.

— А ты не боишься, что я уйду и больше не приду? — ответила я.

Он посмотрел на меня с интересом. Впервые, кажется, всерьёз.

— Ты странная, — сказал он.

— Это ты странный, — парировала я. — Я принесла тебе яблоко, а ты даже спасибо не сказал.

Он усмехнулся. Настоящей усмешкой, а не той, холодной, как в прошлый раз.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Я не знала, что говорить дальше. Он тоже молчал. Я смотрела на книгу, которую он читал — заголовок был латинский, и я ничего не поняла.

— Ты умеешь читать по-латыни? — спросила я.

— Умею.

— А я нет. Миссис Хилл говорит, что девочкам достаточно быть благовоспитанной леди .

— Миссис Хилл — дура, — сказал он.

Я рассмеялась. Громко, на весь зал.

— Мой отец говорит так же!

Он почти улыбнулся. Я заметила — уголки губ дрогнули.

Мы просидели так, наверное, час. Я рассказывала про

Вьюгу, про Розвуд-Холл, про то, как миссис Хилл учит меня танцевать, а я наступаю ей на ноги. Он слушал. Не перебивал. Иногда задавал вопросы — короткие, негромкие.

Он не говорил про себя почти ничего. Я не настаивала.

Когда солнце село и в башне стало темно, я встала.

— Мне пора. Отец будет искать.

— Придёшь ещё? — спросил он.

— Если ты будешь вежливым, — ответила я.

— Я не умею.

— Тогда научу.

Он посмотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Приходи. Научу — я читать по-латыни, а ты меня — вежливости. Обмен.

— Договорились, — сказала я.

Я сбежала вниз и уже в дверях обернулась. Его силуэт маячил в окне.

— Эй! — крикнула я. — А как тебя зовут? Не по-принцевски, а просто?

— Джеффри.

— А меня Элеонора.

— Знаю, — сказал он. — Ты говорила.

Я улыбнулась и выбежала в сад.

С тех пор я приезжала во дворец каждый раз, когда отца звали на совет. Иногда раз в месяц, иногда чаще.

Каждый раз я бежала в башню.

Каждый раз он был там — сидел в кресле, читал книгу,

делал вид, что ему всё равно. Но я замечала — он ждал. Книга была открыта на одной и той же странице слишком долго. А когда я входила, он закрывал её быстрее, чем обычно.

Он научил меня читать по-латыни. Я оказалась способной ученицей. Я научила его наверное, ничему. Просто была рядом.

Мы играли в игры — не в те, странные, о которых я узнаю позже, а в простые детские игры. Прятки в башне (их было легко выигрывать — я маленькая и юркая, он длинный и неуклюжий). Он приносил шахматы — учил меня, я проигрывала, злилась, опрокидывала доску. Он вздыхал, собирал фигуры и расставлял заново.

— Ты не умеешь проигрывать, — сказал он однажды.

— А ты не умеешь поддаваться, — огрызнулась я.

— Зачем поддаваться? Выигрывать честно — единственный способ научиться.

— Тогда научи меня выигрывать.

Он посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Ты достанешь меня когда-нибудь.

Я улыбнулась.

— Уже достала.

Он назвал меня однажды «маленьким чертёнком» — когда я стянула у него книгу и спрятала за спину.

— Отдай, Элеонора.

— Не отдам. Скажи что-нибудь приятное.

— Ты невыносима.

— Это не приятное.

Он вздохнул.

— У тебя красивые глаза.

Я растерялась. Никто — даже отец — не говорил мне такого просто так, без повода.

— Ладно, — сказала я, отдавая книгу. — Засчитывается.

После этого он иногда называл меня «зеленоглазкой». Сначала редко, потом всё чаще. Когда я злилась — «зеленоглазка сердится». Когда я смеялась — «зеленоглазка радуется». Я делала вид, что мне не нравится. На самом деле нравилось.

Я называла его «книжный червь» и «тень» — потому что он всегда был в тени, в углу, в башне. Он не обижался.

Мы были детьми. Двумя детьми, которые нашли друг друга в огромном холодном дворце, где никому не было до них дела. Ему — потому что он был принцем и его боялись. Мне — потому что я была слишком дерзкой и её не любили.

Нам было хорошо вместе.

Я не знала тогда, что это не продлится долго.